

В. О. Ключевский

Сочинения в девяти томах

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К52

Ключевский В.О.
К52 Сочинения в девяти томах: Том 8 / В. О. Ключевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 448 с.

ISBN 978-5-458-42618-3

При рассмотрении русской истории В. О. Ключевский безусловно является одним из крупнейших ученых и писателей России. В изучении истории России Ключевский на первый план всегда ставил политические и экономические события. Однако, изучая историю России по Ключевскому, следует соблюдать определённую долю осторожности и сверяться с другими исследованиями. Отсутствует 6 том. Том 8 В данном томе Сочинений В. О. Ключевского публикуются его монографические исследования, на основании которых в большей степени историк создавал свой "Курс русской истории". Эти материалы посвящены социально-экономическим и политическим проблемам русской истории XVI - начала XVIII века.

ISBN 978-5-458-42618-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В БЕЛОМОРСКОМ КРАЕ

В начале XV в. подвизался в монастыре Кирилла Белозерского инок Савватий. Суровые подвиги его привлекли к нему внимание и удивление игумена и братии. Боязнь людской славы встревожила подвижника, искавшего уединения и безмолвия, и он стал прислушиваться к рассказам пришельцев о далеком пустынном острове на озере Нево, об обители на этом острове, в которой иноки «в неослабном житии» трудятся своими руками и этим трудом добывают себе необходимую пищу. Людна и шумна показалась Савватию Белозерская пустыня, и он ушел на Валаамовский остров. Но людская слава и там неразлучно сопутствовала его подвигам и не давала ему покоя в новой пустыне, а между тем до него стал доходить рассказ про другой остров, еще более чудный и пустынный, на море-окиане, искони не имевший не только мирского, но и иноческого жилья. С силами, испытанными и укрепленными многолетним подвигом в двух обителях, оставил он Валаам и направился к студеному морю. Прибрежные русские поселенцы встретили изумлением и насмешками предприятие старца, «во всякой убожественной нищете» задумавшего поселиться на далеком безлюдном острове, но это не смутило его. На пустынной реке Выгу, у часовни, он нашел подобного себе подвижника пустыни, инок Германа. Перебравшись на Соловецкий остров, они поселились там, выстроив себе кельи. Шесть лет прожили они одни на острове. Недостаток пищи

заставил Германа отправиться на поморский берег; вслед за ним и Савватий покинул остров и скоро скончался у прежней часовни на Выгу. Память современников не сохранила известия ни о месте рождения и родителях, ни даже о времени пострижения Савватия, и в самом начале XVI в. жизнеописатель его ничего не мог узнать об этом от людей, между которыми хранились еще свежие предания о первых обитателях Соловецкого острова. Но пустынные труды Савватия и кельи, поставленные им вместе с Германом на Соловецком острове, не остались забытыми. Через год после его смерти пришел в Поморье другой искатель пустыни — Зосима, гонимый мирским шумом; на реке Суме нашел он того же старца Германа и, выслушав повесть о Савватии, мужественно пошел по проложенному им трудному пути.

Монастырь основался. Вместе с ним возник центр и двигатель разнообразной деятельности в окружающем его Беломорском крае.

Еще на Валааме Савватию рассказывали, что на Соловецком острове, удаленном на два дня пути от земли, от жилых мест, много озер, богатых рыбой, вокруг этого острова много рыбных ловищ, которые по временам случайно посещали одинокие рыболовы; что этот остров богат лесами, вершины гор и долины покрыты высокими соснами, годными для построек, и другими деревьями, что в этих лесах в изобилии растут различные ягоды. Рассказчики заключали, что остров «добр и благодарен к сожитию человечества по всему»¹. Картина такого острова могла пленить подвижника пустыни и безмолвия, но другие рассказы услышал он от поселенцев, живших по берегу моря, «прямо против острова». Ему сказали здесь, что тот остров велик и имеет «всякого устрою человеческого жития», но много лет многие пытались не раз поселиться там и не могли прожить долго «страха ради морския мужа». Уже по основании монастыря, когда братия просила игумена у новгородского архиепископа, последний в недоумении говорил: «Ваш монастырь стоит так далеко от людей; кто пойдет туда и как церкви там быть, в соседстве с землею Мурманской и Каянской?»

В такой суровой глуши, где не жывало человека, «отнележе и солнце в небеси», по выражению жития, возникла обитель и благодаря нравственным силам своих основателей победила трудности, пугавшие новгородского архиепископа и прибрежных русских поселенцев. Но, возникши вдали от людей, она завязывала все более и более тесные связи с побережьем, обитатели которого так

неприветливо встретили начинание ее основателей. Завоевав у природы брошенный людьми остров, монастырь показал пример и много помог в деле подобного же завоевания пустынной страны русскому человеку, пришедшему на Корельское и Лопское поморье.

Во время основания монастыря многие из тех черт, которыми описывали Савватию Соловецкий остров, были уже неприложимы к поморскому берегу, огибающему остров с севера, запада и юга. Смелые дружины новгородских купцов и промышленников давно были знакомы с отдаленными северными краями Заволоцкой Чуди и Корелы. В житии Зосимы и Савватия еще до основания и по основании монастыря мы не раз встречаем новгородских гостей, которые плавали по Белому морю, добывая рыбу и морского зверя или скупая этот товар у прибрежных жителей. Но за этими временными посетителями Беломорского края в населении его ясно обозначаются в эпоху основания монастыря более прочные и постоянные элементы. Из этих элементов на первом плане стоит туземный, который составляли давние обитатели нынешнего Поморского, Корельского и Терского побережья — корелы. В житии соловецких чудотворцев и в новгородских грамотах XV в. они обозначаются именем *корельских людей, корельских детей*. Новгородцы XV в. различали в этом финском поморском населении *пять родов корельских детей*, в соседстве с которыми далее к северу и в глубь страны обитала *лопь*. Эти «корельские дети» жили разбросанно на всем протяжении Беломорского побережья от реки Варзуги до реки Сумы и далее к востоку и считались собственниками, вотчинниками занятых ими здесь земель; встречаем в грамотах XV в. указания на земли, «куда ходят корельские дети» или «куда владеют вотчинники корельския дети». Они считали даже себя ближайшими собственниками еще не занятых земель, каких в XV в. много было в Беломорском крае. Когда Савватий поселился с Германом на Соловецком острове, корелы ближайшего к острову побережья присвоили себе преимущество пред пришлыми иноками в праве на владение этим островом. Но рядом с этими туземными элементами поморского населения во время основания монастыря выступает другой элемент, пришлый, обозначаемый именем *людей-насельников*, которые жили между родами корельских людей так же рассеянно, как и последние. Основание обители застало край в тот любопытный момент, когда его финское разбросанное население начинало более и более перемешиваться с пришлым русским

населением, легко уступая ему место среди своих редких жилищ, на обширных пустошах, остававшихся еще не занятыми. Это движение началось задолго до основания монастыря: по побережью, преимущественно в низовьях многочисленных порожистых рек, пересекающих западный берег Белого моря, возникали один за другим поселки новгородских промышленников, привлеченных сюда прибыльными речными и морскими промыслами. Между соловецкими грамотами XV в. мы имеем несколько грамот новгородцев на владение приобретенными ими в Беломорском крае землями; эти грамоты, переданные потом в распоряжение монастыря вместе с землями, бросают некоторый свет на то, какой степени развития достигла новгородская колонизация в том крае к половине XV в., к первым годам существования монастыря, кто были главные двигатели ее и каков был состав русского населения, занимавшего край. Главными приобретателями земель в Поморье видим именитых новгородских людей. Встречаем указание на четыре сельца на Бобровой горе, принадлежавшие новгородскому архиепископу. Занимают и покупают земли, прежде занятые другими, посадники, бояре и другие богатые люди Новгорода. Около половины XV в. многие имели там *отчины*, у некоторых были уже *отчины и дедины*. К числу самых значительных землевладельцев Поморья в последние годы новгородской вольности принадлежали Борецкие: знаменитой Марфе Посаднице только по рекам Суме и Выгу принадлежало 19 деревень, которые в писцовых книгах 1496 г. обозначаются еще именем Марфинских Исаковых. Все эти богатые новгородские люди высылали в Поморье, на занимаемые ими земли, своих рабов или вольных поселенцев-рабочих, бобылей, казаков, это были первые, по крайней мере наиболее значительные по количеству, новгородские колонисты Беломорского края. Боярские рабы и насельники при жизни основателей Соловецкого монастыря постоянно указываются в житии рядом с туземцами, корелами и лопью как второй элемент поморского населения. Боярские рабы приезжали к острову на рыбные ловли, они же вместе с корельскими людьми старались выжить с острова поселившихся на нем иноков, говоря им: «Остров по отечеству — наследие наших бояр». Наконец, кроме боярских рабов и вольных поселенцев, селившихся на чужих землях, сквозь неясные выражения новгородских грамот XV в. можно рассмотреть и третий разряд людей в составе русского населения Беломорского края — это поселенцы-собственники, на себя приобретающие земли в

Поморье и селившиеся на них. Так, вотчинник Марк из Варзуги дал монастырю вотчину на реках Умбе и Варзуге, по морскому берегу. Иные компаниями, вдвоем, втроем, покупали в Поморье землю и селились на ней².

Земельные новгородские владения XV в. в Беломорском крае, как они описываются в указанных выше грамотах, носят на себе одну любопытную характерную черту, живо объясняющую порядок и способ заселения новгородцами того края. Большая часть новгородских вотчин в Поморье, даже у мелких собственников, не представляла сколько-нибудь округленных земельных владений, сосредоточенных в одной местности, а состояла из многих раздробленных, мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и *по рекам морским*, как выражаются грамоты, часто на огромном расстоянии друг от друга. У одного владельца, например, вотчина состояла из участков у «Золотца (порога на реке Выгу) и в Шуге-реке, и в Кеми-реке, и в Кореле между пятью родами и *по всем рекам морским*», другие владельцы, три брата, купили два участка, которые были рассеяны на Поморье по морским рекам и по лучшим озерам, по Кеми, между корелюю, *куда все пять родов владеют*; а между тем за эти участки, так неопределенно обозначаемые, покупщики заплатили *8 сороков белки да рубль серебра* — цена не очень крупного владения сравнительно с ценами других владений, встречаемыми в тех же грамотах. Еще более разбросаны были крупные владения: встречаем отчину и дедину, купленную новгородским посадником за *полчетверта рубля*, которая состояла из участков «на море, на Выгу, и в Шуге-реке, и в Кеми-реке, и на Кильб-острове, и по морскому берегу, и по обеим сторонам Понгамы-реки, и по лучшим озерам», т. е. тянулась отдельными участками на длинном пространстве нынешнего Поморского берега и далеко уходила в Корельский берег. Новгородский промышленник занимал сам или своими рабами и вольными крестьянами участок у моря на прибрежном острове, на приморской реке или озере и строил здесь двор; при дальнейшем движении он переходил на другое прибрежное место, на другую приморскую реку, занимал там другой такой же участок, не обращая никакого внимания на промежуточные пространства вдали от моря, между впадающими в него реками, ибо они не представляли ему прибыльных промыслов и угодий. Границы занимаемых таким образом земель не везде обозначались, ибо не везде встречались с границами земель других владельцев. Такой порядок занятий земель, такая

разбросанность поселений обуславливались главным образом свойствами Поморского края. Глухое, суровое Поморье манило к себе русского поселенца преимущественно своими обильными рыбою «лешими» озерами и «морскими» реками, своим морем, доставлявшим промышленнику соль и опасного, но прибыльного морского зверя. В поземельных описях, какие представляют новгородские грамоты XV в., сохраненные монастырем, даже повторяется однообразный перечень одних и тех же угодий и промыслов, разрабатывавшихся на занятых поселенцами землях Поморья. Чрезвычайно редко упоминается в этих описях поморских земель «страдамая» или «орамая земля»³; скудное земледелие по Поморскому берегу, ограничивающееся сеянием почти одного только ячменя, и ныне идет немного севернее Кеми; дальше не родится уже никакой хлеб. За исключением этих редких указаний на страдомые земли, во всех описях повторяются одни и те же угодья и промыслы: земли (нестрадамые) и воды, рыбные ловища и тони по морскому берегу, по лешим озерам или морским рекам, лес полеший или в противоположность ему страдомый, наконец, пожни, в некоторых присоединяются ко всему этому еще *сала морские*. На этих-то прибрежных, речных и морских землях с развитием новгородской колонизации в Беломорском крае возникали промышленные поселки, или *страдамые деревни*, заселявшиеся боярскими рабами или вольными насельниками. Около половины XV в. эти поселки еще сохраняли на себе свежие следы своего недавнего появления в пустынном крае: разбросанные редкими точками на далеких друг от друга пунктах, они были бедны и поселенцами и хозяйственными постройками. В деревне Марфы Посадницы, на реке Суме, жили только два бобыля. У другого владельца на уступленных им монастырю землях по рекам Выгу, Шуге, Кеми и другим находился всего один двор с хоромами. У одного вотчинника в Великокурье, при море, был в вотчине *городец* под горою и *ворище*. Среди этих разбросанных поселков к половине XV в. начали уже появляться местные центры, которыми служили «молитвенные храмы», или часовни, возникавшие у моря, на реках, в местностях, наиболее заселенных русскими колонистами. Так, была часовня на реке Выгу при впадении в нее реки Сороки, при ней Савватий нашел одиноко жившего старца Германа, который, может быть, и поставил ее. Среди сумских деревень Марфы Посадницы, у речной пристани, куда заходили с моря суда промышленников, также была часовня, у которой жили два поселенца

ближней деревни. К этим часовням изредка заходили странствующие иноки — священники «посещения ради ту православных христиан», по выражению жития соловецких чудотворцев, и тогда из окрестных деревень приходили сюда русские поселенцы по своим духовным потребностям. Сюда же заходили и новгородские гости, плававшие по Белому морю, останавливались подле часовни в шатрах и, поклонившись в часовне святым образом, оставляли здесь какие-нибудь вклады⁴. Но о церквях в поморских поселениях нет и намека до основания монастыря, они стали строиться уже монастырем под влиянием его просветительных стремлений.

Таковы были элементы населения, среди которого и на которое приходилось действовать монастырю; такова была почва, на которой предстояло ему развить свою широкую хозяйственную деятельность. Около половины XV в. русско-христианская жизнь, занесенная сюда, в среду финского язычества, русскими поселенцами, проявлялась еще очень слабо и робко. В неприветливом Корельском крае русскому населению, которое заходило сюда по привычной северной дороге с топором, косой и мережей, со скудными средствами, нелегко было собрать в себе и вызвать к деятельности столько сил, чтобы воссоздать на новой, чуждой почве главные основы жизни, выработавшиеся на родном, давно насиженном месте. Лет через сто по основании Соловецкого монастыря, когда его значение для края выяснилось уже многими результатами, составитель похвальных слов его основателям говорил о движении русских к Поморью, предшествовавшем основанию монастыря: «Много слышалось им (финским туземцам Поморья) и древле христианское имя, но не познали они благоразумия христианского; ибо многие христиане обращались между ними, но только ради *тленного и суетного прибытка*, продавая и покупая мертвенные животы, но ни единым словом не старались как бы показать тем людям многоценный бисер... Так эти христиане приходили к Лопи праздными в благовестии, пока не пришел к ней *носитель веры*»⁵. В этих словах есть намек на то, чего недоставало, чтобы обеспечить за русско-христианской жизнью успешное развитие в Северном Поморье. Недоставало деятеля, который выступил бы во имя более высоких и многосторонних интересов, чем те, с какими пришли туда промышленные поселенцы, который, став средоточием для края, мог бы этими интересами сблизить и объединить рассеянные силы финского и русского населения и привлечь туда новые. Такова

роль, которая предстояла обители, возникшей на острове Белого моря. В истории этой обители материальная деятельность ее иноков является в таком тесном соединении с нравственной, что одна везде неразлучно сопутствует другой.

Много тяжелых минут пережила обитель в первое время своего существования. Возникнув на диком острове, среди лишений, она встретила вражду и зависть в прибрежном — и русском, и финском — населении. Но, в то время как своею просветительною деятельностью она создавала себе нравственный авторитет, который мог бы защитить ее от враждебных сил, она на скудной почве острога приготавлилась к труду мирного завоевания нетронутых или мало тронутых средств Беломорского края. Уже первые поселенцы острова, старец Герман с Савватием, а потом с Зосимой, познакомили почву острова с земледельческим орудием. «Землю копали мотыками и тем питались», — говорит о них житие. Но, может быть, не раз повторялись с ними случаи, подобные описанному в житии, когда «мало не доставши ему (Зосиме) пища, и о сем поусумнися мало помыслом». Собравшаяся братия усвоила себе занятия основателей обители, так началась первая разработка средств, какие представляла природа острова. Данная соловецкому игумену Ионе властями Великого Новгорода грамота (около 1450 г.), укреплявшая за монастырем право на владение Соловецкими островами, перечисляет эти средства: «В тех островах (пожаловал Новгород игумена и братию) землею и ловищами, и тонями, и пожнями, и лешими озера, *земля им делати, и поже косити, и лешия озера ловити, и тоне ловити добровольно*»⁶. Из той же грамоты видно, что около Соловецких островов производилась ловля морского зверя, доставлявшего сало и кожу. Если в этой новгородской грамоте между угодьями упоминается просто земля, которую монастырь получал право возделывать, то в великокняжеской жалованной монастырю грамоте 1479 г. на владение теми же островами сверх простой, необрабатываемой земли с прежними угодьями обозначается и новая статья — «страдаемая земля». Но хлеб не родится на Соловецком острове, и земля обрабатывалась только под огородные овощи. Житие соловецких чудотворцев рисует нам хозяйственные занятия первых иноков, к ним собравшихся: «Землю копали и деревья на постройки монастырския готовили, также множество дров рубили и воду из моря черпали, и соль варили, и продавали ее купцам, и брали от них всякое орудие, потребное монастырю. И в

других работах трудились, и рыбную ловлю творили, и так от своих потов и трудов кормились».

Но сила вещей вызывала пустынножителей на более широкое поприще. С одной стороны, высокий авторитет основателей привлекал в обитель нравственные силы из далеких краев, и скудные средства, которые можно было извлечь из островов, становились недостаточны для умножавшейся братии. С другой стороны, не все русские люди отнеслись к возникшей среди моря иноческой общине, как боярские рабы Поморья. Новгород, давно двинувший свои промышленные дружины в тот край для присоединения его к русско-христианскому миру, чувствовал, какое значение может иметь в этом деле монастырская община, появившаяся в крае с интересами и стремлениями, каких не могли принести с собой туда промышленные поселенцы; и житие, рассказывая о двух путешественниках Зосимы в Новгород, каждый раз прибавляет, что многие из бояр дали монастырю довольно имения, церковных сосудов, одежд, серебра и жита и обещались во всем помогать обители. Под влиянием этих двух причин начинается любопытный процесс сосредоточения в руках соловецкого братства обширных и многочисленных земельных участков в Беломорье, столь важный по своим следствиям для истории этого края. Занятые земли дарятся, закладываются, продаются монастырю, а между тем на них возникают одно за другим хозяйственные заведения, привлекаются поселенцы, эксплуатация усиливается, и заселенные земли незаметно растут, округляясь присоединением к ним еще не тронутых пустошей.

Первые и главные земельные приобретения сделаны были монастырем на нынешнем Поморском берегу, там, где к половине XV в. с наибольшей силой развилась новгородская колонизация Беломорья. Одними из первых и едва ли не самыми значительными были вклады Марфы Посадницы: на Поморском берегу она подарила монастырю несколько страдаемых деревень и угодий по реке Суме, у часовни и речной пристани. Затем следовал длинный ряд вкладов других новгородских землевладельцев, даривших монастырю свои участки по рекам Поморского и Корельского берега. Между грамотами Соловецкого монастыря мы имеем до 33 вкладных, которые почти все относятся еще к XV в., особенно ко времени третьего соловецкого игумена Ионы; из них 28 предоставляли во владение монастыря множество участков по рекам Поморского и Корельского берега и по прибрежным островам. Из этих участков насчитывается до 44 только таких, местность

которых сколько-нибудь ясно обозначена, именно: по реке Суме—1, по Вирме—2, по Выгу и Сороке—до 16, по Шуе—9, один с двором, избой, двумя хлевами и мыльней, по Кеми—9, по Поньге (по Корельскому берегу)—1, по Жеравне—1 (село против церкви), на Князь-острове—1, на Кузострове—1, на Кильбострове—1 и на Кембострове—1; об остальных участках говорится только, что они находятся на море или на Лопи, в Кореле, между пятью родами корельских детей. Кроме вкладов, монастырь приобретал земли куплей: так, в XV в. куплены были им у порога Золотца на Выгу 2 участка, на Шуе—2, на Кеми—2, на Кильбострове—3 и весь Лотошкин остров. Скоро стали распространяться владения монастыря и на далеком Терском берегу. Еще в 1466 г. один землевладелец дал монастырю участки по рекам Умбе и Варзуге и по морскому берегу. В 1470 г. Марфа Посадница подарила Зосиме свою вотчину между теми же реками, у Кашкаранского ручья и на Кашкаранском Наволоке. Кроме этих двух вкладов в числе вышеупомянутых грамот Соловецкого монастыря имеем еще позднейшие вкладные, по которым монастырь приобрел несколько новых участков на Терском берегу, по рекам Умбе и Варзуге и на Песьем Наволоке. Из поселенцев на монастырской земле по реке Варзуге к 1491 г. был уже образован церковный приход и поставлена монастырем церковь¹. Приобретая вотчины, монастырь ставил в них дворы, куда посылал своих старцев—приказчиков для управления промыслами и угожьями. Так, в житии упоминается монастырский двор при устье Сумы, у пристани, на приобретенной там монастырской земле; другой двор был в селении на Вирме, также у пристани, здесь жил монастырский приказчик, *старец-ватаман*, и хранились, по выражению жития, «всякия потребы и запасы». Есть намек и на то, что здесь рано образовалась волость и содействием монастыря поставлена была церковь, одна из первых в крае, при которой жил назначавшийся монастырем «инокиерей», соединявший с должностью приходского священника обязанность надзора за монастырским двором.

Государи и люди московские также охотно содействовали развитию хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря, как и люди вольного Новгорода. Грамотой великого князя Ивана III (1479 г.), подтверждавшей за монастырем право на владение всей группой Соловецких островов, открывается длинный ряд грамот московских государей, которыми они жаловали монастырю новые земли в Беломорском крае. В 1539 г. пожаловано было